

Научная статья

УДК 343

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-117-129

## ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

**Александр Иванович Бойко**

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, bai-53@mail.ru

**Аннотация.** Индивидуальная и общественная жизнь современного человечества не ограничивается удовлетворением материальных потребностей. Эпоха потребительства, куда ввергнута Россия с начала рыночных реформ, подтверждает данную аксиому, огромную значимость духовных идеалов. Настоящая статья о ценностях вообще и в сфере борьбы с преступностью, в частности, их национальной и международной почве, критериях сертификации, механизмах отражения в уголовном законодательстве и отраслевой доктрине. Особо аргументируется и подчёркивается мысль, что ценности скрепляют общежитие, а потому коренятся прежде всего в самых консервативных областях общественного сознания – религии, нравственности, а также в выстраданных положениях мировой юриспруденции.

**Ключевые слова:** идеал, интерес, закон, личность, нравственность, общество, потребность, приоритет, религия, уголовное право, ценность

**Финансирование:** исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

**Для цитирования:** Бойко А. И. Проблема ценностей в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 117–129. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-117-129>.

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

## THE PROBLEM OF VALUES IN CRIMINAL LAW

**Alexander I. Boyko**

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, bai-53@mail.ru

**Abstract.** The individual and social life of modern humanity is not limited to the satisfaction of material needs. The era of consumerism, where Russia has been plunged since the beginning of market reforms, confirms this axiom, the enormous importance of spiritual ideals. This article is about values in general and in the field of combating crime, in particular, their national and international basis, certification criteria, mechanisms of reflection in criminal legislation and industry doctrine. The idea is especially argued and emphasized that values hold the dormitory together, and therefore are rooted primarily in the most conservative areas of public consciousness - religion, morality, as well as in the hard-won provisions of world jurisprudence.

**Keywords:** ideal, interest, law, personality, morality, society, need, priority, religion, criminal law, value

**Financial Support:** the study was carried out with the financial support of the RFFI in the framework of the scientific project No. 21-011-44228 "Law and legal consciousness in the theological dimension: history and modernity".

**For citation:** Boyko A. I. The problem of values in criminal law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):117–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-117-129>

Современная геополитическая реальность, осложнённая вынужденным противостоянием с Западом и сопровождаемая наконец открытым сомнением в истинности и искренности его идеологических установок, которым в конце прошлого века принято было присягать на верность и безропотно вписывать в национальное законодательство, обязывает всех мыслящих людей искать и осмысливать глубинные основы социального уклада. Опора именно и прежде всего на них позволяет и в критические периоды истории выстоять, и в спокойную эпоху обустроить на длительную перспективу мирную, производительную, комфортную для сограждан жизнь.

Ценностную опору должна иметь и уголовно-правовая доктрина – как важный сегмент общественной жизни и государственного управления, тысячами нитей связанный с другими сферами бытия населения, призванный решать важнейшие социальные задачи самым болезненным образом [1, с. 17].

Совершенно очевидно, что бесцельные и аксиологически нейтральные законотворчество, уголовное судопроизводство, профилактическая и правоохранительная практики в современном мире абсурдны, опасны и даже невозможны. Отступление от сводных идеалов общежития реальны лишь в одном варианте – власть открыто либо завуалировано, намеренно либо по недомыслию игнорирует ментальность собственного народа или исповедует ценности, противные интересам большинства жителей страны. Важно отметить также, что политико-идеологические колебания и шатания не в состоянии разрушить основания криминализации отдельных общеуголовных преступлений типа кражи либо убийства, но посеять сомнения населения в заявленных ценностях антикриминальной деятельности государства вообще либо, напротив, привести к их поддержке, очень даже могут.

**Ab ovo.** Поскольку зависимость уголовно-правового регулирования от многочисленных социальных детерминант аксиоматична, разговор о ценностях отраслевой доктрины следует начинать с накопленных предельных знаний о базовых ценностях социума вообще, которые гуманитарной наукой иногда покорно искажаются либо забываются по объективным и субъективным причинам<sup>1</sup>. Они таковы: 1) построение оптимальной социальной организации «из людей», оказывается для них более сложная задача, чем приспособление к «чужой» или внешней природе, которую человечество давно изуродовало для повышения собственных удобств; 2) если естественные науки монологичны и потому убедительно-просты (активный субъект обследует стационарный «молчащий» объект), то гуманитарные покоятся на сложном диалогическом соумышлении; 3) Россия давно доказала неистовую любовь к революционным качелям или крайностям<sup>2</sup>, отчего экономический, социально-политический и ценностно-ориентационный векторы перманентно меняются на 180°; 4) наша страна опаздывает от европейского экспресса в среднем на век, однако использует указанный временной лаг по-туземному – путём механического заимствования чужеземного опыта без учёта национальных традиций<sup>3</sup>; 5) любой анклав знаний со временем коснеет в силу дисциплинарной замкнутости, экстенсивный сбор информации всегда превосходит по времени и объёмам критический пересмотр усвоенного знания (интенсификацию), а теоретический багаж любой науки намного увесистее её методологического фундамента, отчего *полный объект* любого анализа всегда ограничен до уровня *примитивного предмета*, в результате чего политики, управленцы и мыслители либо жертвуют ментальностью народа, либо восторженно воспринимают импортную ценностную ориентацию, активно внедряя её в общественное сознание и управленческую практику.

Мораль такова, что криминалистам в данном вопросе желательно руководствоваться не утилитарными ценностями, прочно связанными с материальными объектами и потому привычно обсуждаемыми в частных отраслях, а ориентироваться на предельный гносеологический уровень, достигнутый и обслуживаемый философией в «застойные» периоды,

<sup>1</sup> См. об этом в фолианте самого известного европейского науковедя прошлого века Дж. Бернала [2, с. 529-534].

<sup>2</sup> Д.С. Лихачёв ментальной чертой русского народа называл болезненное стремление во всём доходить до крайностей, отчего Россия всегда находилась на грани чрезвычайной опасности и никогда не имела счастливого настоящего, ограничиваясь мечтой о счастливом будущем [3, с. 279].

<sup>3</sup> См. об этом оригинально выписанный памфлет бывшего мэра Москвы, наблюдавший «шоковые реформы» с самой ближней дистанции – [4].

когда не бушевали площадные страсти и теоретическая мысль была способна отрываться от предметностей, пусть и с помощью языка Эзопа.

Рассуждения о ценностях бытия и духа ведутся с эпохи античности и связаны с именами Аристотеля, Сократа и Платона, позже – Г. Гегеля и И. Канта. В СССР пик аксиологии пришёлся на 60-е годы прошлого века и ассоциируется с трудами таких авторитетов, как В.А. Василенко, О.Г. Дробницкий, М.С. Каган, Д.А. Леонтьев, Н.О. Лосский, А.П. Огурцов, С.Л. Рубинштейн, В.П. Тугаринов, А.Г. Харчев, Б.А. Чагин и др. Ими ценность трактовалась как значимость и полезность предметов, явлений, процессов и знаний, причём эти свойства имманентно им не присущи, а являются субъективными оценками заинтересованных в них субъектов.

Большинство аксиологов советской эпохи сошлись во мнении, что критериями ценности или положительной значимости объектов, процессов и явлений служат их **необходимость** (без них человечеству не обойтись), **полезность** (их эксплуатация гарантирует положительные результаты) и **приятность** (фрагменты окружающего мира доставляют людям эстетическое удовольствие, повышающее производительность труда и длительность жизни). Так, В.П. Тугаринов, придерживающийся концепции универсальности категории «ценность» независимо от политического и общественного строя, утверждал, что «ценности – это предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям... в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также – идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала», что они олицетворяют отношение человека к материальному миру и знаниям, соединяя теорию и практику [5, с. 38].

Кратко теория ценностей<sup>1</sup> состоит из следующих постулатов: 1) ценностные основы существования индивидов и общества всегда интересовали гуманитарную мысль. В последние десятилетия в силу геополитических потрясений и неравновесности мироустройства, а в России и по причине очередной смены хозяйственного уклада и политической системы, возникла острая нужда в переоценке значимости многих установок и представлений прошлого [7]; 2) выявление и признание ценностей тех или иных фрагментов бытия и духа – способ ориентации людей в окружающем мире и осмысленной мотивации к созидательной деятельности, канал подключения индивидов к согласованному поведению для удовлетворения не столько своих личных, сколько общих интересов социума; 3) «ценности – это те явления природы и общества, которые нужны людям исторически определённого общества или класса в качестве действительности, цели или идеала. Ценности, следовательно, могут быть действительными, наличными и мыслимыми, желаемыми, идеальными» [8, с. 15-16]; 3) при этом «ценность есть реальное или желаемое явление (факт или идеал), а оценка – отношение к этому явлению» [9, с. 3]; 4) причисление объектов, явлений и процессов к разряду ценностей обеспечивается наличием критериев оценивания, появляющихся в результате общественной и личностной практики; 5) ценностная ориентация присуща как индивидам, так и всему социуму, причём ценностные представления отдельных лиц в результате повторения их индивидуального опыта со временем образуют согласованную ориентационную базу всего общества; 6) поскольку же ценности выражают идеалы или модели должного поведения, используются в качестве основы целеполагания, формирования задач и принципов всего общежития, то их социальный уровень признаётся приоритетным по отношению к индивидуальной ориентации, ибо личностное самоопределение использует коллективные ценности в качестве своей опоры [10, с. 9]; 7) множество выявленных и сертифицированных разумом в качестве ценностей предметов, явлений, процессов и знаний есть дорога к их системе и внутренней котировке по сравнительной значимости или приоритетности [11, с. 361]. Философия, социология, психология и юриспруденция выделяют классы *материальных* (блага) и *духовных* (свобода, справедливость, добро, истина, красота), а равно немного отличающихся от них *душевных* (комфорт) и *социальных* (трудовая занятость, защищённость в социуме и социумом, групповая солидарность) ценностей, а внутри них – основные и вторичные; 8) процесс оценивания весьма сложен: если цель есть мысленный образ ценности, то в материальных благах она составляет предмет человеческого интереса, а последний выполняет функцию осознанной потребности. В духовных же ценностях, которые дистанцированы от материальных потребностей и более расположены к роли универсальных идей, путь их сертификации обязательно предполагает градацию индивидуальных и корпоративных

<sup>1</sup> Максимально полно отражена в книге: [6].

интересов. Последние в силу приведённых выше аргументов приоритетны, но индивидуальные интересы выполняют роль некоего благородного идеала, ограничивающего коммунальные потребности и требования; 9) отход от советской плановой экономики, преимущественного производства средств производства и однопартийности закономерно привёл к возвышению духовных (лучше – общекультурных) ценностей [12, с. 26]. Парадокс лишь в том, что это привело к надругательству над прежними культурными устоями, не связанными с экономикой, намеренному отходу от классики в угоду модернизму, господству эгоистических наклонностей, весьма далёких от истинной духовности. Персонификация духовности размыла общие стандарты благочиния и даже финишировала отказом от использования практики оценивания культурной жизни. На Западе это подаётся как гипертollerантность, оправдывающая разложение нравов, всеобщий цинизм и равнодушие. Некогда единый социум ферментируется, а каждый человек перестаёт воспринимать свою ментальную принадлежность к обществу, его историческим и культурным задачам и традициям, противопоставляя личный индивидуализм и нонконформизм традиционным ценностям [13, с. 59]. Как уместна здесь мысль, что «ценности возможны (лишь – А.Б.) в том случае, если основы бытия идеальны и притом духовны» [14, с. 4]; 10) наконец, на роль эпиграфа к нашей статье претендует суждение В.П. Тугаринова, что «ценностные категории – великие рычаги защиты существующих общественных нравов и отношений или перестройки этих нравов и отношений» [9, с. 5]. Сие мнение требует развития: если устои общества разрушаются на волне очередных психозных увлечений социальной инженерией «передовых демократических» государств, противоядием от обольщений должны быть самые известные и надёжные консерванты народного духа – религия и нравственность, подкреплённые золотым фондом юридических аксиом, презумпций и принципов, тянущихся из эпохи античности.

В отечественной **общей юриспруденции** ценностная проблематика подаётся и в традиционном аксиологическом русле, и в специализированных исследованиях эффективности правовых предписаний. Так, С.С. Алексеев социальную ценность советского права усматривал в его нормативности, функциональной определённости, принудительности и динамизме [15, с. 5, 62, 68, 150].

А.Ф. Черданцев [16] пропагандировал концепцию инструментальной или вторичной ценности права, уповав на его социальную детерминированность социалистическими идеями общественного устройства (с. 21), использование его в качестве орудия разрешения задач коммунистического строительства (с. 23), признавая его ценность лишь в ракурсе «инструмента достижения конкретных целей», за пределами чего «оно никакой политической, экономической и т.п. ценности не имеет» (с. 23), квалифицируя его «вторичной» ценностью, используемой для «реализации, укрепления и развития ценностей, признанных в социалистическом обществе» (с. 27).

Теоретики права из Казани [17] относили ценность права к его «возможному<sup>1</sup>, однако отнюдь не имманентному, неотъемлемому свойству», ибо «для правовых конструкций различных классов она характерна далеко не в одинаковой мере» (с. 10). Оппонируя С.С. Алексееву по поводу выдвинутых последним ценностных свойств советского права, они утверждали, что нормативность, функциональная определённость, принудительность и динамизм «так или иначе характерны для всех правовых общностей, независимо от их социальной ценности. Больше того, они содержатся даже в правовых предписаниях, явно антисоциальных по характеру и направленности» (с. 11). По их мнению, социальная ценность права выражается главным образом в: а) его «способности правильно отражать объективные общественные интересы и содействовать их достижению» (с. 12); б) содержать необходимый этический минимум (с. 17) и в) быть специфическим носителем свободы (с. 18).

В **отраслевой науке** имеется лишь одно узкоспециализированное исследование [18], в котором собственно аксиологическим аспектам уголовного права посвящены первые два параграфа первой главы (о понятии и структуре ценности и оценки, о содержании оценки в уголовном праве), а затем его автор сконцентрировался на традиционных для криминалистов вопросах – о ценности обособленно упоминаемых в УК РФ объектах уголовно-правовой охраны и базовых понятиях (вины, преступления и ответственности).

<sup>1</sup> В этом и других случаях авторы использовали для выделения слов разрядку, а мы – курсив.

В огромном массиве публикаций по проблемам уголовно-правового регулирования аксиологический аспект не может ни затрагиваться хотя бы по причинам: содержания первичной задачи отрасли (охрана основных ценностей – ч. 1 ст. 2 УК); конкуренции интересов обиженного потерпевшего с общественными требованиями гуманности по отношению к виновнику; сопряжения воздаяния с исправительной целью наказания; снятия диалектического противоречия между суровой ответственностью за самые тяжкие преступления и последующей дорогостоящей ресоциализацией «выпускников» мест лишения свободы. Вот и анализируют коллеги с большим ценностным подтекстом проблемы: этнокультуры уголовного права и её отражения в общественном правосознании и общественном мнении, его социально-интегративной роли и социальных идеалов (труды О.Н. Библика, М.Н. Гернета, Ю.В. Голика, М.С. Гринберга, А.В. Грошева, В.В. Кулыгина, А.М. Мамутова, А.В. Усса, М.А. Чельцова-Бебутова), принципов уголовного права (монографии В.Е. Квашиса, С.Г. Келиной, В.Н. Кудрявцева, В.В. Мальцева, Э.А. Саркисовой, В.Д. Филимонова, Е.Е. Чередниченко), детерминации и мотивации преступного поведения (работы Б.С. Волкова, В.А. Елеонского, В.В. Лунеева, В.А. Номоконова, О.Д. Ситковской, И.Г. Филановского), нравственно-религиозных и идеологических основ противодействия преступности (исследования Ю.Д. Блувштейна, А.И. Бойко, Ю.И. Бытко, Ю.А. Зюбанова, И.И. Карпеца, Г.Л. Касторского, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, А.В. и В.В. Похмелкиных, А.А. Тер-Акопова), оснований отраслевого законотворчества и его воспитательной роли (изыскания Л.Е. Владимирова, Д.А. Ли, научных коллективов Института государства и права АН СССР и Российской криминологической ассоциации), допустимости компромисса в отношении преступников (публикации Х.Д. Аликперова и М.А. Зейналова), философских устоев отраслевой доктрины (монографии и диссертации А.Б. Баумштейна, В.А. Бачинина, С.А. Бочкарева, Э.А. Позднякова, А.Д. Чернова и И.И. Голубова), соотношения публичного и частного интереса в сфере противодействия преступности (книги О.А. Мотина, Э.Л. Сидоренко и М.А. Карабута, А.В. Сумачева, Н.В. Шигиной).

Опора на представленные три дисциплинарных разряда знаний о ценностях позволяет нам сформировать следующее выводное знание.

1. Непреходящее значение ценностей для людей, этносов и всего человечества состоит в том, что они служат организующим началом, духовным идеалом, коллективным консервантом от потрясений, обманов, рисков и политического жульничества. Они рождаются по известному руслу социальной мысли «обнаружение леса среди деревьев», то есть расширением горизонта знания и подъёмом по лестнице абстрагирования. По логике это должно гарантировать ценностям долгую жизнь и страховать их от забвения либо искажения. Но и увеличительное стекло разума не спасает их при резких скачках прогресса либо массовых психозах, организуемых по плотоядным мотивам соседними этносами в форме «цветных революций», транспортировок демократии при помощи крылатых ракет и покупки компрадорской части национальных элит стран-реципиентов.

2. Ценности отражают высокие идеалы и принципы мирного созидательного сосуществования людей, влияя и на их безвредное поведение в природной среде. Идеальное, конечно, – редкость и ему всегда гарантирована трудная судьба; при реформах чаще от того, что азартные проповеди новых универсалий чрезвычайно легко принимаются уставшими от несправедливостей обывателями, но от них же они стадно отвергаются в результате разочарований. Чаще от разочарований не в прежних идеалах, но в практике следования им, в усилиях правящего класса по организации жизнеустройства и, особенно, распределительных отношений в свою, а не коллективную пользу. Прочь! – кричат митингующие и возвращаются к прежде отвергнутым идеологическим знаменам либо ввергаются в пучину очередных новых (как правило, привозных) универсалий жизнеустройства.

3. Разумеется, современная цивилизация не может обойтись одной ценностью (пусть и кажущейся самой высшей), ибо мы всё полнее и глубже постигаем и вторгаемся в макро- и микромир, вышли на околоземную орбиту, живём на нескольких континентах с резко отличающимися климатическими условиями, получили техническую возможность массово мигрировать по разным регионам и лично сравнивать свою жизнь со стандартами других этносов, пользуемся национальным законодательством, но по нужде готовы покоряться рыхлому международному праву. И вообще: нас на Земле уже около 8 миллиардов: сытых и голодных, умных и вдумчивых, атеистов и верующих, хозяйственников и экологов, пчёл и трутней,

творцов и копиистов, путешественников и домоседов, всеядных и вегетарианцев, законопослушных и жуликов.... Вечна сентенция древних, по которой *Deus non't etiam gradu digitis*<sup>1</sup>. Вера ценностей общежития разрастается соосно указанным выше и прочим обстоятельствам.

4. Поскольку аксиологическая ориентация современного мира, в том числе в сфере борьбы с преступностью, многообразна и разнопланова, порядок и гармонию внутри неё, а также согласованную безвредную применимость множества ценностей можно обеспечить лишь посредством приоритета, признания различной степени важности и различной последовательности употребления универсалий. Например, в психологии различают приоритетные *терминальные* (цели или ради чего человечество живёт) и второстепенные *инструментальные* (средства, с помощью которых оно живёт) ценности<sup>2</sup>.

5. Основной ряд конкурирующих ценностей в социуме давно известен: покоящиеся на потребностях личные, общественные и государственные интересы. Их сравнительное значение наиболее ярко ощущается в сфере управления или организации коллективной жизни, в содержании и функционировании публичных отраслей права, ярчайшим образцом которых служит уголовное право. Для него с его федеральным статусом, публичностью и охранительным предназначением приоритет социальных ценностей над индивидуальными претензиями отдельных лиц беспорен.

На этом тезисе сегодня следует остановиться особо и подробно, поскольку протестующих против признания ценностей вообще и их организующего значения не предвидится, а вот по заявленному нами выше ранжиру, идущему вразрез с тем, что воспринято «назло» коллективизму царской и советской России, что на гребне перемен закреплено в Конституции и отраслевом законодательстве, что привело к замене одного «ослабнувшего фетиша»<sup>3</sup> («коммунизм» с его коммунальной ориентацией) на другой («личность – общество – государство»), вероятны возражения и даже организованная критика. Как же: приведённая выше иерархия основных ценностей превратилась в модный слоган, упоминаний которого в публичных речах современных оракулов «больше, чем в трактирах тараканов» (А.П. Чехов).

Рассудим. Право есть выстраданная человечеством система управления, призванная в первую голову консервировать жизненные устои. Для уголовно-правовой отрасли с её очевидной охранительной направленностью подобное предназначение тем более верно. В этом деле союзниками права служат две наиболее консервативные сферы общественного сознания – религия и нравственность, а ещё идущие из эпохи античности юридические стереотипы. Их «конёк» – запреты, ограничения, обязанности, воздержание, коммунальные потребности. Но устанавливаемый с их помощью социальный мир постоянно обновляется или даже разрушается благодаря проказам такого «могущественного чародея» как человеческий интерес (Гельвеций). Снятие же диалектического противоречия между общественным и личным интересом, нравственностью и эгоизмом, инерцией и обновлением предполагает признание первой установки доминантой, без чего социуму грозит хаос, а второй – предоставление статуса благородного ограничителя-идеала, который, как известно, недостижим, но к которому следует стремиться как к отвесу конкуренту-доминанте. Итак, коренной вопрос ценностей – что важнее: всё общество с его нравственностью либо отдельный человек с его неприкосновенностью, автономией, эгоизмом?

Наша цивилизация, с достаточной для понимания мыслящими людьми степенью выраженности, издавна демонстрирует два типа социально значимого поведения людей: *коллективистский* и *индивидуалистический*. Автор объявляет, что он отказывается именовать нравственностью установку на господство частного интереса; в его представлении глашатаи и потребители данной формулы жизни есть эгоисты, а не нравственные люди в собственном и высоком смысле этих представлений. Вспомним теорию нравственности И. Канта, в основе которой учение о должном, а не о правах и претензиях, – где тут хваленый западный индивидуализм? Разве может сочетаться «золотое правило нравственности» цивилизации с так называемой «индивидуалистической моралью», прямо противопоставляемой

<sup>1</sup> Бог и пальцы не уравнил (лат.) – Автор.

<sup>2</sup> Невозможно представить себе ориентацию личности на ту или иную ценность как некое изолированное образование, не учитывающее её приоритетность, субъективную важность, относительно других ценностей, то есть не включённое в систему [11].

<sup>3</sup> Блестящий эпитет В.В. Розанова. – Автор.

интересам других людей? Даже из цитадели эгоцентризма раздаются слова в защиту коммунальных потребностей, устанавливающие «на первое место в системе социальных интересов... требования, заявленные социальной группой и вызванные условиями жизни общества, которое необходимо обезопасить от угрожающих ему действий» [19, р. 4, 6].

**«Если хочешь поступать честно, принимай в расчёт и верь только общественному интересу»** (К. Гельвеций) – достойный эпиграф к любому нравоучительному сочинению. Тем не менее, на просторах России азартно приживляется хозяйственная и жизненная формула, ставящая в эпицентр частника с его потребностями и претензиями. Именно на данном эволюционном изломе явно угадывается самое нутро нравственности, неверное представление о котором грозит в сфере борьбы с преступностью возвратом к кастовости [20–23].

Уголовное право много веков назад отказалось от обычая кровной мести и даже начало преследовать его, стало публичной отраслью, где преобладают общесоциальные расчёты и ожидания, а требования пострадавших и виновных лиц находятся на заднем плане. Такой подход подаёт надежду на беспристрастие чиновников, возбуждает и поддерживает впечатление справедливости, даёт уверенность гражданам в равных последствиях одинаковых поступков. Оценивая закономерность замены индивидуальных притязаний жертв на публичные расчёты, великий Н.С. Таганцев писал: «чем сильнее крепнет государство, тем дальше отодвигается на задний план потерпевшее лицо», а «права общественного мстителя вполне и окончательно переходят к представителю государства» [24, с. 1089].

Нелегкая проблема ранжирования главных объектов уголовно-правовой охраны известна человечеству с незапамятных времен. Древние римляне почитали общественную необходимость более важной ценностью, нежели частный интерес: *necessitas publica maior est, quam privata*<sup>1</sup>. Апостол мировой уголовной юриспруденции указывал, что «на первом месте (во всей массе преступлений – А.Б.) стоят нарушения, наносящие вред непосредственно обществу, а на последнем – самые незначительные нарушения прав частного лица» [25, с. 85].

Россия, где всегда были сильны общинные настроения, свои карательные мероприятия строила преимущественно на фундаменте публичности. Павел I даже запрещал употребление термина «Отечество», понуждая подданных к казарменной жизни, а в эпоху большевизма интересы самой власти, а не общества, вышли на первый план. Фиаско от попытки насладиться только общим благом качнуло страну в другую крайность; неистово открестьяваясь от оголтелого классового подхода прежнего режима, от насилия к меньшинству в пользу большинства, новые оракулы абсолютизируют личность и частный интерес. Как будто Российская Федерация объявлена не социальным (ст. 7 Конституции), а индивидуалистическим государством. Как будто сущность современного государства определяется всеми не иначе, чем орудие социального компромисса. Как будто не существуют и не множатся многочисленные коммунальные ограничения, сужающие поле личной свободы. Их главная причина и необходимость – в вынужденной регламентации и ограничениях той сферы жизнедеятельности каждого, которая обуславливает безопасное существование и саморазвитие остальных. Можно предположить, что мутант-максима изобретён «массой серьёзных людей, которые выбрали либерализм, как временный *modus vivendi*»<sup>2</sup>; временный способ действия для собственного обогащения и прочей выгоды.

Разумность смены Россией идеологического вектора (приоритет личного интереса) ещё предстоит осмыслить. Но уже сегодня ясно, что «славоправие» индивидов имеет не только положительные результаты; оно атомизирует общество, дезорганизует систему управления, делает обывателя беззащитным перед пороками и насилием сильных мира сего. Вдумаемся в пророческие слова: «там, где все хотят делать то, что они желают, никто не может (лучше бы «не сможет» – А.Б.) делать того, что он хочет» [26, с. 41]. Без аккумуляции коммунальных потребностей в единый публичный интерес ни одна страна мира существовать

<sup>1</sup> Из этого же ряда наставления Папиньяна, что публичное право нельзя менять частными соглашениями (*jus publicum privatorum pactis mutari non potest*), Ульпиана (*non capitur, qui jus publicum sequitur – не обманывается и, следовательно, не преследуется судебным порядком тот, кто поступает в соответствии с публичным правом*), утверждения древних, будто *lex citius tolerare vult privatum damnum, quam publicum malum* (закон допустит скорее потерю для частного лица, чем общественное зло), и *privatum commodum publico cedit* (удобство частных лиц должно отступить перед общим благополучием).

<sup>2</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи. М.: Правда, 1984. С. 329.

не сможет; публичный интерес важнее индивидуальных претензий и ожиданий уже по той бетонной причине, что места для строительства вилл на Лазурном берегу всем не хватит, что экономические, санитарные, экологические, антиковидные и прочие проблемы понуждают общество жертвовать требованиями частника – «потерявши голову, по волосам не плачут».

Разумеется, «проблема частного интереса сохранится при любых, самых совершенных формах общественного устройства», хотя его абсолютизация «не может считаться идеальным типом взаимоотношений государства, общества и человека» [27, с. 5]. Абсолютно ясно: в этом концептуальном вопросе требуется синкретическое единство различных интересов. Ни «разумный эгоизм», приводящий на практике к его апологии<sup>1</sup>, ни одиозная ставка только на общую пользу, что приводит к скрытому преимущественному удовлетворению интересов той социальной группы (власти), которая провозглашает своей целью заботу об этом общем интересе, и к «равенству по бедности» (Ф. Энгельс) всех людей, ставших предметом данной заботы, не есть выход из положения. Важно и обязательно учитывать требования различного социального уровня, но при чёткой иерархичности и последовательности движения к достижению ценностей. Личность может считаться полной и удовлетворённой только в контексте общности (М.Л. Кинг). Для уголовного права это абсолютно верно, но не более того – господство общественных расчётов останется здесь *не единственным, а приоритетным* аксиологическим фактором, ибо истинная «добродетель состоит в пожертвовании меньшим интересом ради большего интереса» [29, с. 21] (см. ст. 39 УК РФ), ибо «правильное поведение» предполагает содействие общему добру, а не стремление удовлетворить свой эгоистичный интерес [30, р. 57].

Гиперболизация личного интереса потворствует эгоизму, взращивает в рамках *homo sapiens* очень специфический класс *homo zhulicos*, а попутно «дарит» социуму повальную юридизацию жизни, при которой нормируется практически всё; невероятно, но даже невинные брачные узы скрепляются юридическими обязательствами молодожёнов. Однако лишь то общество имеет шансы на устойчивое, мирное и производительное будущее, которое организует свою жизнь не на бесчувственном государственном законодательстве, а на более человеческих нормативах – нравственности, религии, наставлениях старшего поколения, примерах подвижничества, обычаях, традициях, поговорках, пословицах и т.д., ориентируясь на верховенство коммунальных потребностей.

Спасение личности не в борьбе с нравственно-религиозными ограничениями и публичным правоведением, а в союзе с ними против возможного эгоистического поведения власти. Будем особо помнить, что индивид эволюционирует медленнее, нежели социальная организация, но вот консервирует мир как раз общественный интерес, а личный разъедает устои общежития. В силу этого ставка на общественный интерес в юриспруденции есть классика, которая гарантирует мир *всем*, но не удачу и счастье *избранным*. Эволюция предпочтительнее революций.

**6. В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань (А.С. Пушкин).** Несмотря на универсализацию жизни землян в последние столетия, высока вероятность сохранения и даже укрепления национальных сводов ценностей. Причин тому несколько: а) отставание многих народов планеты от стран «золотого миллиарда» по технологии производства и стандартам жизни понуждает «отстающие» в материальном смысле этносы искать спасение во внутренних духовных резервах, в том числе в сфере ментальности, обрядах и традициях, религиозных и нравственных стереотипах; б) но разрыв увеличивается, поскольку финансовый капитал к началу третьего тысячелетия победил промышленный капитал, а главные финансовые институты типа МВФ и станок по печатанию основной резервной валюты мира находятся в США и их сателлитах; в) унижительное, почти безвыходное состояние большинства государственно-образованных народов цементируется на века практикой размещения развитым Западом на их территориях только «грязных производств», а на своей – высоко-

<sup>1</sup> А.А. Тер-Акопов, заметив, что «при всей заманчивости и актуальности проблемы материального благосостояния для всех людей Земли, решение её не даст удовлетворение человечеству, а возможно она окажется в принципе не решаемой», резюмирует: «следовать... активно насаждаемым американским стандартам «своего» благополучия и «своей» свободы ни в коем случае нельзя. Эти стандарты рано или поздно будут отвергнуты русским народом, национальное духовное устройство которого несовместимо с эгоистическим началом» [28, с. 85, 92].

технологичных и безвредных для окружающей среды; г) постоянный экспорт социальной инженерии Запада с помощью крылатых ракет и «цветных революций» ставит страны Третьего мира перед тяжким выбором – либо соглашаться со статусом «современной» колонии, либо противостоять внешнему давлению с опорой на национальное самосознание. Первый путь надёжно проторен практикой прикорма коллаборационистской части национальных элит, покупающей свою сытость с проживанием в «просвещённом» мире за счёт сохранения кабальных условий существования собственных народов; д) наконец, сегодня стала фактом разуверенность землян в так называемых «общепризнанных ценностях», которые по меткому наблюдению руководителя советской разведки полностью совпадают только с национальными интересами США<sup>1</sup>.

Приведённые рассуждения не отрицают неизбежности планетарных ценностей, но к ним нужно прийти всем народам, причём без понукания политиков и давления супердержав. Самый надёжный фундамент для этого – нравственные манифесты виднейших представителей науки, которые по своим знаниям и таланту первыми чувствуют надвигающийся техногенный Апокалипсис, пытаются предупредить его апелляцией к универсальным моральным святыням. Таков, к примеру, Декалог духовника русской нации для атомного века: 1. Не убий и не начинай войны. 2. Не помысли народ свой врагом других народов. 3. Не укради и не присваивай труда брата своего. 4. Ищи в науке только истину и не пользуйся ею во зло или ради корысти. 5. Уважай мысли и чувства братьев своих. 6. Чти родителей и прародителей своих и всё сотворённое ими сохраняй и почитай. 7. Чти природу как мать свою и помощницу. 8. Пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца, а не раба. 9. Пусть живёт всё живое, мыслится мыслимое. 10. Пусть свободным будет всё, ибо всё рождается свободным [31, с. 316].

7. Наличие и видовое наполнение ценностных установок государств зависит от их экономического и культурного развития, природных и климатических условий, масштаба и степени освоения внутренних территорий, этнического и конфессионального многообразия, способности страны к самообеспечению благодаря наличию природных ресурсов и развитой экономике, её взаимоотношений с соседними народами и прочих обстоятельств. Множество внутренних детерминант диктует специфику национальных ценностных ориентиров – **она должна быть!**

**Реализация ценностей в уголовном праве.** Ахиллесова пята отечественного управления и научной мысли давно известна и многократно осуждена – россияне беспокоятся преимущественно обо всём человечестве, а не о своей стране, строят величественные планы, поспешно принимают юридические правила и спотыкаются на стадии их реализации. Поскольку ценности – это некие идеалы, а последние, как известно, практически не встречаются в реальности, то в утилитарной практике противодействия преступности используются либо должны быть задействованы различные механизмы заземления ценностей или приспособления их к далёким от идеалов условиям. Каковы же они:

1) формулирование принципов отрасли в монографических законах, как правило, с оговорками и даже погрешностями, что непривычно для скупого официального представления универсалий (ст.ст. 4, 5 и 8 УК РФ)<sup>2</sup>;

2) подкрепление ценностей в форме предельно *общих* правил спасительными *исключительными* (глава 8 УК, например) или *переходными* (превышение пределов необходимой обороны, «уменьшенная или ограниченная вменяемость», большинство примечаний к статьям Особенной части УК, позволяющих освобождать от уголовной ответственности второстепенных участников преступных формирований в качестве «благодарности» за информацию о криминальных руководителях) нормативами, что соответствует предложенному выше принципу приоритетности ценностей;

<sup>1</sup> Имеется в виду Леонид Владимирович Шебаршин. См.: <https://ru.citaty.net/tsitaty/458161-leonid-vladimirovich-shebarshin-vyiasnilos-chto-obshchechelovecheskie-tsennosti-polnos/> (дата обращения – 3.03.2022 г.).

<sup>2</sup> К примеру, великий идеал равенства текстуально (ст. 4 УК РФ) изложен, как будто большинство социальных отметин личности индифферентны для уголовной ответственности, что совершенно не так, а завершается формула принципа опасной оговоркой «а также других обстоятельств», как будто уголовная ответственность не зависит от возраста или состояния психического здоровья причинителя вреда.

3) обрамление (уточнение, конкретизация, подкрепление, подстраховка) ценностей в форме аксиом или «смертных истин» эластичными презумпциями (типа знания уголовно-правовых запретов) и даже оборотнями-фикциями<sup>1</sup> [32];

4) использование понятий и конструкций отрицательного типа (традиционная формула психического нездоровья в УК и главной презумпции в уголовно-процессуальном законодательстве);

5) для обеспечения максимальной результативности мер принуждения в сфере борьбы с преступностью при минимальных затратах на это автор в течение 20 лет проповедует призыв не к отказу от какой-либо ценности (например, от гуманизма карательной практики в силу опасных колебаний преступности), а от применения за подобные злодеяния любых форм уголовно-правового поощрения, накопленных прогрессом (условное осуждение и условно-досрочное освобождение, обратная сила закона, амнистия, помилование, сроки давности и пр.)<sup>2</sup>;

6) многоуровневая детерминация уголовного права как резервной отрасли юриспруденции и в целях оптимальности познания, и для гармонии конкурирующих ценностей ориентирует криминалистов на переход от испытанных и ещё дающих результаты частных методов анализа к парам таких методов или даже к их союзам (сочетание жёстких принципов с эластичными презумпциями, классификации с архивированием знаний, исторического метода с компаративизмом, теории криминализации с теорией эффективности уголовно-правовых средств и т.д.);

7) для проверки степени достижения ценностей-идеалов в русле совмещения законодательных расчётов (теория криминализации) с их практическим претворением (теория эффективности) полезно усовершенствовать осуществляемую Минюстом России практику мониторинга правоприменения посредством сочетанного отслеживания вклада науки, законодательства и практики в общий результат борьбы с преступностью;

8) для сохранения баланса между испытанными ценностями в сфере противодействия преступности, в том числе не афишируемыми в тексте УК РФ, но выдвинутыми великим Ч. Беккариа (неотвратимость, личная ответственность, быстрота уголовного преследования и т.д.), и новыми потребностями, оформляемыми как ценности, нужно опираться на испытанный философский прием **дихотомии** или гашения крайностей (форма – содержание, сущность – явление, причина – следствие и т.д.). Но более всего годится в этом деле единственная философская **трихотомия** или триада категорий «общее – особенное – единичное» (по данному вопросу опубликована целая серия статей и завершена диссертация О.А. Берёза);

9) ещё одна диалектическая ловушка в нашем жёстко лимитированном уголовном праве, покушающаяся на проблему ценностей, выражена конкуренцией идеальной стабильности уголовного закона (читай – ценности) с вынужденной потребностью его изменения. Пионерский отклик на сию проблему состоялся в форме статьи в центральном журнале более полувека назад [35], попытались поддержать порыв столичных учёных и мы [36–37], но российский парламент продолжает интенсивное обновление Уголовного кодекса, в том числе прибегает к строго возвратным решениям по отдельным фрагментам борьбы с преступностью за непродолжительное время.

Ох, и должники мы перед российским обывателем, и спросят нас когда-нибудь за незнание, игнорирование либо неумение пользоваться выстраданными ценностями жизни, за слепое увлечение лозунгами, за распространение и поддержку обольстительных фантазий, за надежды решать все проблемы юридическим нормированием. Ведь общественно-историческая практика «должна воплощать в себе и результаты развития научного знания, и гуманистические идеалы» [38, с. 105]. И не спасёмся мы изречением М. Шеллера, будто «ценности вечны по содержанию, но историчны по форме». *Sapienti sat*<sup>3</sup>.

#### Список источников

1. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М.: Комакадемия, 1929. 126 с.
2. Дж. Бернал. Наука в истории общества. М.: Иностр. литература, 1956. 735 с.

<sup>1</sup> См. об этом: [32].

<sup>2</sup> См. об этом подробнее: [33–34].

<sup>3</sup> Умный поймёт – *лат.*

3. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Из истории русской гуманистической мысли. М.: Просвещение, 1993. 287 с.
4. Лужков Ю.М. Российские «Законы Паркинсона»: Лекция. М.: Вагриус, 1999. 94 с.
5. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 124 с.
6. Проблема ценности в философии / Под редакцией: Харчева А.Г., Т.Н. Горнштейн, М.А. Кисселя, В.П. Тугаринова. М.: Наука, 1966. 262 с.
7. Салова О.О. Философские аспекты понятия «ценность» // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов (<http://jurnal.org/articles/2012/ped35.html> (дата обращения – 3.03.2022 г.)).
8. Тугаринов В.П. Марксистская философия и проблемы ценностей // Проблема ценности в философии. М.: Наука, 1966. 244 с.
9. Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. Л.: Типография ЛОЛГУ, 1960. 155 с.
10. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Современный социо-анализ: Сборник работ авторов, получивших гранты Московского отделения Российского научного фонда и Фонда Форда. М., 1996. С. 5-22.
11. Хлебодарова О.Б. Общая характеристика ценностей человека, их роль и место в структуре личности // Молодой ученый. 2012. № 6 (41). С. 357-361.
12. Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблема ценности в философии под ред. А. Г. Харчева. Л.: Наука, 1966. С. 25-40.
13. Якимова, Е.Г., Мартыанов Е.Ю. Марксистская аксиология В.П. Тугаринова как криптосистема советской этики // Новые идеи в философии: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Зебра, 2015. С. 51-62.
14. Лосский Н.О. Ценность и бытие: Бог как царство Божие и бытие как основа ценностей. Париж: YMCA PRESS, 1931. 125 с.
15. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. литература, 1971. 221 с.
16. Черданцев А.Ф. Социальная ценность социалистического права // Сов. государство и право. 1978. № 7. С. 21-28.
17. Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977. 117 с.
18. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юрид. литература, 1975. 184 с.
19. Pound R. Criminal justice in America. Cambridge; Massachusets; Harvard Univ. Press, 1945.
20. Бойко А.И. Имущественное расслоение российского общества: возможности и пределы правового регулирования // Имущественное расслоение в России: социально-правовые последствия: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции 6-7 июня 1996 г. Ростов н/Д: ИППК при РГУ и РВШ МВД РФ, 1996. С. 3-12.
21. Бойко А. И. Приватизация, неравенство и уголовная ответственность // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1. С. 24-45.
22. Бойко А. И. Борьба с преступностью: переход к кастовости? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26-27 января 2012 г.). М.: Проспект, 2012. С. 28-34.
23. Там Х. Преступность и уровень жизни. М.: Прогресс, 1982. 248 с.
24. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. СПб., 1890, вып. 3. С. 975-1216.
25. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Фирма «Стелс-БИМПА», 1995. 304 с.
26. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М.: Юрид. литература, 1985. 256 с.
27. Никулин С.И. Уголовный закон и частный интерес: Лекция. М.: УМЦ МВД России, 1994. 48 с.
28. Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право: к 2000-летию христианства. М.: МНЭПУ, 2000. 100 с.
29. Бентам И. Исследование об основах морали в законодательстве // Избр. соч. СПб., 1867. Т. 1. 678 с.
30. Russel B. Human Society in Ehtis and Politics. London, 1954.
31. Лихачев Д.С. Раздумья (Для сред. и ст. шк. возраста) . М.: Дет. литература, 1991. 318 с.
32. Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж: Истоки, 1998. 135 с.
33. Бойко А.И. Не мытьём, так катаньем (новый вариант реагирования на преступность) // Человек и закон. 2017. № 2. С. 15-21.
34. Бойко А.И. Новая стратегия противодействия преступности как средство обеспечения национальной безопасности России // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное

направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2018 г. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 318-321.

35. Кузнецова Н.Ф., Злобин Г.А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества // Сов. государства и право. 1976. № 8. С. 76-83.

36. Бойко А.И. Стабильность и изменчивость уголовного закона // Российское общество, государство и право: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции 18-20 октября 2012 г.: сборник статей. Ростов н/Д: Профпресс, 2013. С. 37-42.

37. Бойко А. И. Диалектика стабильности и изменчивости уголовного закона // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. Омск: Омская академия МВД России, 2017. Вып. 12. С. 24-31.

38. Огурцов А.П. Практика как философская проблема // Вопросы философии. 1967. № 7. С. 97-105.

### References

1. Pashukanis E.B. *General theory of law and Marxism*. Moscow: Komakademiya, 1929. 126 p. (In Russ.)
2. J. Bernal "Science in the history of society" (Moscow: Inostr. literature, 1956. 735 p.). (In Russ.)
3. Likhachev D. S. On the national character of Russians. In: *From the History of Russian Humanistic Thought*. Moscow: Enlightenment, 1993. 287 p. (In Russ.)
4. Luzhkov Yu.M. Russian "Parkinson's Laws": Lecture. Moscow: Vagrius; 1999. 94 p. (In Russ.)
5. Tugarinov V.P. *Theory of values in Marxism*. L.: Publishing House of the Leningrad University, 1968. 124 p. (In Russ.)
6. The problem of value in philosophy / Edited by: A.G. Kharcheva, T.N. Gornstein, M.A. Kissel, V.P. Tugarinov. Moscow: Nauka; 1966. 262 p. (In Russ.)
7. Salova O.O. Philosophical aspects of the concept of "value". *Journal of scientific publications of postgraduates and doctoral students* (<http://jurnal.org/articles/2012/ped35.html> (date of appeal - 3.03.2022)). (In Russ.)
8. Tugarinov V. P. Marxist philosophy and problems of values. In: *The problem of value in philosophy*. Moscow: Nauka, 1966. pp. 15-16. (In Russ.) (In Russ.)
9. Tugarinov V.P. *On the values of life and culture*. L.: Printing House of LONGU, 1960. 155 p. (In Russ.)
10. Leont'ev D. A. Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional renovation. In: *Modern socio-analysis: Collected works of the authors, who received grants of the Moscow branch of the Russian science Foundation and the Ford Foundation*. M., 1996:5-22. (In Russ.)
11. Khlebodarova O.B. General characteristic of human values, their role and place in the personality structure. *Young scientist*. 2012.;6 (41):357-361. (In Russ.)
12. Drobnitsky O.G. Some aspects of the value problem. In: *The problem of value in philosophy under the editorship of A. G. Kharchev*. L.: Science, 1966:25-40. (In Russ.)
13. Yakimova, E.G., Martyanov E.Yu. Marxist axiology V.P. Tugarinov as a cryptosystem of Soviet ethics. In: *New ideas in philosophy: materials I International. scientific. conf.* (Perm, April 2015). Perm: Zebra, 2015:51-62. (In Russ.)
14. Lossky N.O. Value and being: God as the kingdom of God and being as the basis of values. Paris: YMCA PRESS; 1931. 125 p. (In Russ.)
15. Alexsev S.S. The social value of law in Soviet society. Moscow: Yurid. Literature; 1971. 221 p. (In Russ.)
16. Cherdantsev A.F. The social value of socialist law. *Soviet state and law*. 1978;(7):21-28. (In Russ.)
17. Fatkullin F.N., Chulyukin L.D. *Social value and effectiveness of the legal norm*. Kazan: Publishing House of Kazan University; 1977. 117 p. (In Russ.)
18. Demidov Yu.A. *Social value and evaluation in criminal law*. Moscow: Yurid. literature, 1975. 184 p. (In Russ.)
19. Pound R. Criminal justice in America. Cambridge; Massachu; Harvard Univ. Press, 1945.
20. Boyko A.I. Property stratification of Russian society: possibilities and limits of legal regulation. In: *Property stratification in Russia: Socio-legal consequences: Materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference* on June 6-7, 1996 Rostov n/D: IPPK at the Russian State University and the Russian Ministry of Internal Affairs, 1996. pp. 3-12. (In Russ.)

21. Boyko A.I. Privatization, inequality and criminal responsibility. *Criminalist Library. Scientific journal*. 2011;(1):24-45.
22. Boyko A.I. The fight against crime: the transition to casteism? *Criminal Law: Development strategy in the XXI century: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference* (January 26-27, 2012). Moscow: Prospect, 2012. pp. 28-34.
23. Tam H. *Crime and standard of living*. Moscow: Progress; 1982. 248 p. (In Russ.)
24. Tagantsev N.S. Lectures on Russian criminal law. General Part. St. Petersburg: 1890, vol. 3. pp. 975-1216. (In Russ.)
25. Beccaria Ch. *About crimes and punishments*. Moscow: Stealth-BIMPA Firm, 1995. 304 p. (In Russ.)
26. Karpets I.I. *Criminal law and ethics*. M.: Yurid. literature, 1985. 256 p. (In Russ.)
27. Nikulin S.I. *Criminal law and private interest: Lecture*. M.: UMTS of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1994. 48 p. (In Russ.)
28. Christianity. State. Law: to the 2000th anniversary of Christianity. Moscow: MNEPU, 2000. 100 p. (In Russ.) (In Russ.)
29. Bentham I. Research on the foundations of morality in legislation. *Election of St. Petersburg*, 1867. Vol. 1. 678 p. (In Russ.)
30. Russel B. *Human Society in Ehtis and Politics*. London, 1954.
31. Likhachev D.S. *Reflections (For the environment. and art. shk. age)*. Moscow: Children's literature, 1991. 318 p. (In Russ.)
32. Panko K.K. *Fictions in criminal law and law enforcement*. Voronezh: Istoki, 1998. 135 p. (In Russ.)
33. Boyko A.I. Not by washing, but by rolling (a new variant of responding to crime). *Man and the Law*. 2017;(2):15-21. (In Russ.)
34. Boyko A.I. A New strategy of fighting crime as a means of ensuring national security of Russia. In: *national security – a priority of criminal law, criminology and criminal Executive policy: proceedings of the XI Congress of the Russian criminal law, dedicated to the memory of doctor of legal Sciences, Professor Vladimir Sergeyevich Komissarova*, held on 31 may – 1 June 2018. Moscow: Yurlitinform, 2018:318-321. (In Russ.)
35. Kuznetsova N.F., Zlobin G.A. Social conditionality of the criminal law and scientific provision of rulemaking. *Soviet States and law*. 1976;(8):76-83. (In Russ.)
36. Boyko A.I. Stability and variability of the criminal law. *Russian society, state and law: history and modernity. Materials of the international scientific and practical conference* on October 18-20, 2012: collection of articles. Rostov n/D: Profpress, 2013. pp. 37-42. (In Russ.)
37. Boyko A.I. Dialectics of stability and variability of the criminal law. *Questions of legal theory and practice: collection of scientific tr.* Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. Issue. 12:24-31. (In Russ.)
38. Ogurtsov A.P. Practice as a philosophical problem. *Questions of philosophy*. 1967; (7):97-105. (In Russ.)

#### **Информация об авторе**

А. И. Бойко – докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин.

#### **Information about the author**

A. I. Boyko – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 18.03.2022.

The article was submitted 03.03.2022; approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 18.03.2022.